

гические» расистские обоснования колониализма, «расовую солидарность» колониалистов, нацистскую политику по отношению к туземному населению подопечных областей и расовую травлю, проповедуемые западногерманскими неоколониалистами. Эта политика сейчас осуществляется в Южно-Африканской Республике, правящие круги которой тесно связаны с западногерманскими расистами. Проводимые в Южно-Африканской Республике с необыкновенной жестокостью «расовые» законы совершенно аналогичны нюрнбергским в гитлеровской Германии. Неоколониализм, как форма экономического закабаления отсталых народов, находит восторженный отклик у империалистов Западной Германии, которые, однако, лицемерно «критикуют» так незамаскированно проводимые в Южно-Африканской Республике законы апартеида.

Таким образом, статьи рецензируемого сборника направлены непосредственно на разоблачение расистских теорий западногерманского империализма. Во всех статьях сборника дается правильное представление о сущности рас и их истинной роли в развитии общества.

Появление такого сборника нужно приветствовать. Он будет полезен не только специалистам, но, прежде всего, широкому кругу читателей, которые стремятся разобраться в сущности расизма во всех его формах, тем более что под его знаменем вновь поднимают голову недобитые гитлеровцы.

И. Гохман

НАРОДЫ СССР

Кавказский этнографический сборник. III. Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. LXXIX. М., 1962, 288 стр.

Вышедшие в 1955 и 1958 гг. первые два выпуска Кавказского этнографического сборника заняли уже значительное место в советской этнографической литературе по Кавказу. Рецензируемый третий выпуск стоит на том же достаточно высоком научном уровне.

Сборник открывается статьей В. П. Кобычева «Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в.». Работа написана на большом, насыщенном фактами материале, главным образом полевым и, частично, литературном. В ней впервые дается обобщенное описание жилища народов Азербайджана в XIX в., научная систематизация многообразных форм его. До этого описанием народного жилища Азербайджана занимались большей частью архитекторы. Этническая специфика жилища в их работах, как правило, отражения не находила.

Выясняя этнические особенности, проявляющиеся в жилище, В. П. Кобычев в то же время рассматривает его в связи с историческим прошлым народов, географической средой, уровнем социально-экономического развития и положением различных слоев крестьянства.

Предложенная В. П. Кобычевым классификация типов жилища, в основе которой лежит не один какой-нибудь признак (например, внутренняя планировка или строительный материал), а всесторонняя оценка жилища и его характерные особенности, нам представляется правильной и убедительной.

Весьма ценна попытка выяснения культурно-исторических связей народов Азербайджана с народами Дагестана, Армении, Грузии, Средней Азии и стран Востока.

Не вызывает возражений и структура работы. Автор избрал наиболее правильный для этнографа метод. Он дает описание жилища по отдельным народам, что создает цельную картину жилища каждого народа.

Статья хорошо иллюстрирована. Все фотографии, чертежи, рисунки, карта-схема выполнены самим автором.

Отметим и отдельные недочеты работы В. П. Кобычева. Автор неудачно объясняет отсутствие в его исследовании материала по Нахичеванской АССР (см. на стр. 5 прим. 5). Видимо, автор не располагал соответствующими данными для описания жилища Нахичевани. Между тем, материалы все же имеются: напомним работу М. Н. Насырли «Сельские поселения и крестьянские жилища Нахичеванской АССР», 1959 г.).

Несколько вольно автор обращается с терминологией. Например, он употребляет термин «баджа» без кавычек и с измененным падежным окончанием — баджи, что в переводе на азербайджанский язык имеет уже другое значение — сестра (стр. 47, подпись под рисунком). В статье допущены некоторые фактические ошибки и даны неточные сведения. Так, неправильно названа дата отмены откупной системы в нефтяной промышленности: вместо 1872 г. (17 февраля) в тексте значится 1877 г. Называя численность аварцев (стр. 50), цахур (стр. 54), лезгин (стр. 55) и армян (стр. 36), автор не указывает, что основная масса этих народов живет за пределами Азербайджана (в Дагестане, Армении и других республиках) и, следовательно, общая численность каждого из них значительно выше приведенной.

Работа В. П. Кобычева значительно выиграла бы, если бы в ней содержались указания на положительные приемы и традиции народного зодчества, которые можно было бы использовать в современном жилищном строительстве Азербайджана.

Статья Б. А. Калоева «Агулы» представляет собой опыт историко-этнографического описания одной из малых народностей Дагестана, относящейся к лезгинской группе. Работа написана на большом и интересном полевом материале, собранном автором в течение ряда лет. В ней также широко используются архивные данные, выявленные Б. А. Калоевым в Центральном государственном архиве Дагестанской АССР.

В работе последовательно освещаются основные занятия, материальная культура, семейный и общественный быт агулов до Октябрьской революции. Работе предпосла- ны введение и исторический очерк. Заканчивается она главой «Агулы после Великой Октябрьской социалистической революции».

Агулы — небольшая народность (по переписи 1959 г. — 7000 человек), живущая веками в окружении соседних народов, сохранила свою национальную специфику в материальной и духовной культуре. Это ярко показано автором, особенно при описании поселения и жилища, а также семейных обрядов и обычаев.

Значительное место в работе отводится вопросу национальной консолидации агулов с родственным им лезгинским народом. Б. А. Калоев приводит большой материал, показывающий издавна существовавшие тесные экономические и культурные связи агулов с лезгинами и пути сближения этих народов.

К недостаткам работы можно отнести то, что автор не уделил достаточного внимания вопросам нового быта.

Нам представляется неправильным употребление для легкого пахотного орудия термина «соха» (стр. 81), поскольку на Кавказе была распространена не соха, а орудие типа «рало» (кстати, это неудачное название довольно часто встречается в этнографической литературе по Кавказу).

Автору хорошо известно, что агулки, как и многие другие женщины Дагестана, носили чухту (особый мешкообразный чепец). Между тем при описании женских головных уборов чухта даже не упоминается. Ничего не пишет автор также и о детской одежде. Сомнительно утверждение Б. А. Калоева, что «многие агулки оставили обычай обязательно прятать волосы и стали ходить с непокрытой головой» (стр. 105). По нашим наблюдениям, не только в селе, но даже в городе дагестанки как правило в силу обычая обязательно набрасывают на голову хотя бы легкую косынку.

Статья Л. И. Лаврова «Рутульцы в прошлом и настоящем», дополняя уже известные публикации этого автора о рутульцах¹, вносит много нового в изучение этой народности. В работе использован значительный архивный, литературный и полевой этнографический материал. Он четко изложен и тщательно проанализирован.

Весьма ценны (в исторической части работы) сведения, полученные автором в результате археологических исследований, проведенных им на территории Рутульского района в 1952 г.² Они показывают, что селение Рутул существовало еще до VIII в., жители его вели оседлый образ жизни и занимались животноводством. Наскальные изображения (в частности, корабля с веслами и крестов), открытые Л. И. Лавровым в 1952 г. около селения Лучек и относящиеся ко времени нашествия арабов и исламизации Дагестана, свидетельствуют о связях рутульцев с побережьем Каспия и о существовании у части населения христианской религии.

В рецензируемой работе впервые публикуется выявленная Л. И. Лавровым родословная рутульских беков — ценный документ по истории рутульцев.

Вопрос об эндогамии в Дагестане интересовал многих исследователей, в том числе и самого автора³. Возвращаясь к нему и в этой статье, Л. И. Лавров отмечает, что эндогамия в Дагестане не является исконным институтом. Доказательством, по его мнению, «является то, что эндогамная форма брака всегда сочеталась с такими свадебными обычаями, которые могли быть порождены только экзогамным браком» (стр. 136): разделение участников свадьбы, членов одного и того же тохума, на две стороны — сторону жениха и сторону невесты, имитация борьбы между этими сторонами.

Особое внимание автор уделяет выявлению степени этнической общности и характера внешних связей у рутульцев до 1917 г. Выясняется, что к моменту Октябрьской революции у рутульцев еще не выработалось национальное самосознание, они не успели сложиться в особую народность. Несмотря на этнографическую близость рутульцев с лезгинами, накануне Октябрьской революции возрастающие рутульско-азербайджанские связи преобладали над старыми связями рутульцев с лезгинами.

¹ Л. И. Лавров, Рутульцы, «Сов. этнография», 1953, № 4, стр. 30—40, его же. Рутульцы, в кн. «Народы Дагестана», М., 1955, стр. 192—217; его же. Рутульцы, в кн. «Народы Кавказа» (серия «Народы мира»), М., 1960, стр. 537—545.

² Л. И. Лавров, Археологические разведки в верховьях р. Самур, в кн. «Материалы по археологии Дагестана», т. I, Махачкала, 1959.

³ Л. И. Лавров, О причинах многоязычия в Дагестане, «Сов. этнография», 1951, № 2, стр. 203.

Показывая большие изменения в хозяйственной и культурной жизни рутульцев за годы советской власти, Л. И. Лавров в то же время отмечает и консервативные стороны жизни народа, проявляющиеся наиболее заметно в области быта. Нельзя не согласиться с автором, что «тохум» и сейчас активно вмешивается в семейные отношения и ставит интересы тохумной организации выше интересов общественных. Борьба общественности с такими проявлениями необходима и закономерна.

«Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке» М. О. Косвена — третья и последняя часть его обширной работы⁴. Она охватывает период 80-х, 90-х годов XIX в. и 1900-х годов. В особой главе ее собраны дополнения к первым двум частям. Основные итоги обзора материалов изложены М. О. Косвеном в заключении. К работе приложен указатель имен авторов, упоминаемых во всех трех частях работы, и названий периодических и серийных изданий.

Поскольку опубликованные первые две части этой работы уже вызвали весьма положительные отзывы, остается только повторить, что эта очень ценная работа стала настоящим пособием кавказоведов. Но одновременно этот труд немало пользы может принести и историкам, и литераторам и вообще всем, кто так или иначе связан с кавказоведением.

Подчеркнем, что, с нашей точки зрения, особую ценность имеют личные и биографические сведения, сообщаемые почти обо всех авторах, упоминаемых в работе. Сведения эти собраны из самых разнообразных источников и должны были потребовать громадного труда. Работа М. О. Косвена — ценный материал по истории этнографии Кавказа; на основе его может быть написана подлинная история этнографии, которая, по нашему мнению, должна быть дана не в целом по Кавказу, а по отдельным его народам.

Поскольку пользование этой работой по трем ее частям, напечатанным в различных сборниках, затруднено, и поскольку эти сборники выпущены различным тиражом (I сборник — 2000, II — 1200, III — 1500 экз.), крайне желательно, чтобы М. О. Косвен соединил все эти части, разместил по своим местам те дополнения, которые он вводил во вторую и третью части, и эта работа была бы издана в виде отдельной книги.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что третий выпуск «Кавказского этнографического сборника» интересная и ценная книга. Нам остается присоединиться к словам Л. И. Лаврова, рецензировавшего второй выпуск этого сборника: «Желательно, чтобы в дальнейшем не было столь длительных задержек в издании следующих выпусков этой серии».

Г. Сергеева

О Кавказском этнографическом сборнике. III. По поводу статей рецензируемого третьего Кавказского этнографического сборника хочется добавить еще следующее.

В статье В. П. Кобычева «Крестьянское жилище Азербайджана в XIX в.» нет описания селений и жилищ азербайджанцев Апшеронского полуострова, а ведь своеобразие этого района создало свои особенности строительной техники и архитектуры.

В исторической справке об Азербайджане автор пишет: «Социально-экономические отношения в деревне были сложными и до 70-х годов развивались в условиях сохранения сельской общины» (стр. 7). Однако несомненно, что сельская община сохранялась и в пореформенный период, несмотря на усиление процесса имущественной дифференциации и захват общинных земель с правом подворно-наследственного пользования.

Далее автор отмечает, что «сельская община владела всей пахотной землей, выгонами и местными оросительными сооружениями» (стр. 7). Это не совсем правильно, так как сельская община в пореформенный период уже не владела всей пахотной землей, часть ее находилась в частном пользовании, другая — в подворно-наследственном с правом продажи и только часть в общинном владении. Кроме этого, община владела покосами и пастбищами.

При чтении работы создается впечатление, будто на протяжении всего XIX в. крестьянское жилище в Азербайджане не претерпело никаких изменений. Однако несомненно, что в конце XIX в. появились новые черты в планировке, интерьере, технике строительства и т. п.

Вызывает сомнение написание и транскрипция некоторых терминов: мухур (мюхюр), оджахзада (оджахзаде), каракеча (каракече), ковуз (ховуз), дая (дейе), чап-лых (гапылыг) и т. д.

В работе Б. А. Калоева «Агулы» (историко-этнографический очерк) содержатся некоторые интересные детали, неизвестные в литературе и не встречающиеся у других народов Дагестана (например, так называемые тохумные кухни).

В историческом очерке, предпосланном этнографическому описанию, имеются не-

⁴ Первые две части этой работы были опубликованы в первом и втором выпусках Кавказского этнографического сборника.